

покоя и духовного очищения: «Молчит полей простор – Ни слёз и ни обид».

Оказывается, «моя зима» другая, её нельзя объять разумом, она индивидуальна, понять её можно только чувствами.

Вторая часть стихотворения наполняется глаголами *белит, выйду, скажу, не верь, вскипает, встаёт*. Мы наблюдаем усиление признака действия, восходящую градацию. Зима не бездушна, она живая, предстаёт в стихотворении в образе маляра, покрывающего дверь белой краской. В восприятии лирического героя она не такая, как у других: она ни седа, ни темна, а могуча и деятельна. Там, внутри неё, бурлит жизнь. Под неподвижной оболочкой таятся невиданные силы: бег волны вскипает. А зима охватывает всё и вся: время (мятежный век) и пространство (могучий рост). Область пространства распространяется и по горизонтали (вдаль: от белоснежья рек), и по вертикали (ввысь: до белоснежья звёзд).

В данном поэтическом тексте в полной мере раскрывается многогранность авторского восприятия концепта «зима», поддерживаемая противопоставлениями: *белый ~ медный (красный), горячий ~ холодный, даль ~ высь, моя зима ~ чужая зима, движение ~ покой, разум ~ чувства*.

Очевидно, что семантический объём данного произведения задаётся не столько прямым значением отдельных слов или словосочетаний, сколько теми ассоциациями, которые они порождают.

Таким образом, актуальным становится изучение художественной картины мира, раскрывающейся в художественном тексте в соответствии с определёнными взглядами автора. Это самая субъективная из всех видов картин, особенностью которой является соединение национального и персонального компонентов.

Список литературы

1. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
2. Шевелева Е.В. Костёр на снегу. Стихотворения и поэмы. М., 1985.
3. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М., 2002. Т. 2.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2011. Т. 4.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1985.
6. Афанасьев А.Н. Мифы древних славян. М., 2014.

* * *

1. Sreznevskij I.I. Mysli ob istorii russkogo jazyka. M., 1959.

2. Sheveleva E.V. Kostjor na snegu. Stihotvorenija i pojemy. M., 1985.

3. Russkij asociativnyj slovar': v 2 t. / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva i dr. M., 2002. T. 2.

4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M., 2011. T. 4.

5. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. N.Ju. Shvedovoj. M., 1985.

6. Afanas'ev A.N. Mify drevnih slavjan. M., 2014.

Associative and semantic field of the poem by E.V. Sheveleva "Belosnezhye"

The article deals with the method of organization of the associative semantic field of the poetic text by E.V. Sheveleva "Belosnezhye" using the method of modeling of associative and semantic field. The analysis proves that any literary text is a system with the elements in certain structural connections and relations that express the creative intention of the writer. The semantic scope of the work is not determined by the direct meaning of some separate words and phrases but the associations they make.

Key words: *poetic text, artistic world picture, associative and semantic field, lexeme, winter.*

(Статья поступила в редакцию 21.11.2016)

Т.Г. БАСАНГОВА
(Элиста)

БЫТОВАЯ СКАЗКА КАЛМЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Показаны проблемы изучения бытовых сказок калмыков, представлены классификация и история публикаций этого жанра.

Ключевые слова: *калмыцкие сказки, бытовые сказки, классификация, сюжеты.*

Калмыки, несмотря на свою сложную историю, сохранили национальную культурную традицию. Уникальная, длительная, она сберегается до сих пор в устной и письменной формах.

К духовному наследию калмыков, прежде всего, относится многожанровый калмыцкий фольклор. Среди его образцов особо выделяются калмыцкие народные сказки – одно из ярких и высокохудожественных проявлений духовной культуры народа, – создававшиеся на протяжении многих веков талантливыми представителями народа.

К калмыцким сказкам вполне применима мировая классификация по жанрам, хотя и есть некоторые особенности, – это сказки волшебные, бытовые, сатирические, богатырские, сказки о животных. История записи и публикации калмыцких народных сказок в разной степени отражена в трудах калмыцких исследователей фольклора М.Э. Джимгирова, Н.Ц. Биткеева, Т.Г. Борджановой, В.Т. Сарангова [10; 2; 3–6; 18; 17], Б.Б. Горяевой [9], Б.Б. Манджиевой [13] и др.

Классификация калмыцких сказок впервые была проведена И. Кравченко [15]. Освещали этот вопрос и составители сборников калмыцких сказок Ц.О. Леджинов, Г.М. Шалбуров [12], Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова [21], Т.Г. Басангова [16]. В монографии «О калмыцких народных сказках» М.Э. Джимгиров одну из глав посвятил изучению бытовых сказок [10]. В основу анализа данной группы сказок исследователь взял книгу переводов, составленную Б.О. Джимбиновым. М.Э. Джимгиров отмечает, что составитель собрал воедино народные новеллистические и бытовые произведения, сатирическая острота достигается путем сознательного преувеличения... К другому подтипу бытовой сказки – новеллистической – исследователь относит сказки о приключениях и событиях семейной и личной жизни человека. Среди новеллистических сказок М.Э. Джимгиров особо выделяет особую подгруппу авантурных. Героями авантурных сказок бывают хитрый человек, вор, путешественник, шут и обманщик. В бытовых сказках прослеживается мотив «бедной сироты» и «младшего брата». Проанализированы следующие сюжеты известных бытовых сказок: «Черт и торговец», «Кедея», «Два обманщика», «Рыбак», «Старик и старуха». Таким образом, по художественному содержанию и сюжетной типологии, а также по функциям персонажей бытовые сказки делятся в основном на следующие группы: 1) о хитрых и ловких людях, ворах; 2) о мудрых отгадчиках; 3) о поисках счастья персонажами сказки; 4) о супругах; 5) о духовных лицах; 6) сказки о дураках. К 500-летию героического эпоса «Джангар» в 1940 г. вышел в свет сбор-

ник «Народное творчество Калмыкии», подготовленный И.И. Кравченко (1940). В нем представлены все основные жанры фольклора калмыков. В главе «Фантастические сказки» приведено пятнадцать текстов; по нашему мнению, две из них являются богатырскими и две – бытовыми. Из архива составителя в сборник вошли четыре бытовые сказки: «Мудрая Урюбэжюр», «Три мудреца», «Сиротка-мудрец» [Там же, с. 254], «Скупой богач».

Бытовые сказки записаны у современных калмыцких сказителей. В 2008 г. Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванная ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Серия открылась сказками талантливого сказителя Санджи Бутаева, записи которого производились в 1970-х гг. прошлого столетия учеными КНИИЯЛИ (ныне КИГИ РАН). Здесь дано четыре текста бытовых сказок [7]. В следующей книге серии представлена современная фольклорная традиция калмыков в записи от хранителя народной мудрости Шани Боктаева. Составитель сборника «Алtn чеежтэ келмрч Боктан Шаня» [1] Б.Б. Манджиева подготовила к публикации репертуар сказителя, представленный разными жанрами калмыцкого фольклора, в том числе и бытовыми сказками. В этой же серии в 2011 г. издана книга «Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнгэс» («Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой»), которая содержит тексты сказочной и несказочной прозы, волшебные и бытовые сказки [19]. В 2014 г. вышла в свет очередная книга серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков») – «Герлтсн сувсн (Б.М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрнгэс)». – «Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б.М. Санджиевой)», в которой, наряду с другими жанрами фольклора, представлены также сказки этого жанра. Материалы, записанные учителем калмыцкого языка Б.М. Санджиевой от информантов, проживавших в разных районах Республики Калмыкия, были подготовлены к изданию И.М. Болдыревой [8].

У калмыков сохранилось народное название калмыцкой сказки «тууль», которая делится на «ахр тууль» – короткая сказка (это бытовая, сатирическая, сказка о животных) и «ут тууль» – сказка длинная, большая по объему повествования. К этому разделу могут быть отнесены сказки волшебные, богатырские. В основу этой классификации положен объем

сказочного произведения. В поздних публикациях калмыцких сказок дана попытка современной классификации по жанрам. Так, волшебная сказка именуется как «сидтя тууль», богатырская сказка – как «баатрлг тууль», бытовая сказка – как «бьяцин тууль». Жанр сказки в калмыцком фольклоре в некоторых случаях можно определить по ее названию, по обозначению имени главного сказочного персонажа. Так, главный герой богатырской сказки имеет титулы: «хан», «эрин сян» – лучший из мужей, «баатар» – богатырь, «мерген» – меткий стрелок. Герои бытовых и комических сказок охарактеризованы именами неопределенной этимологии – Кеедя (неперевод), Ухр (Ложка), Саак (тот же самый). Иногда в названиях сказок упоминается возраст персонажей: кевун – мальчик, кюукн – девочка, эмгн овгн хойр – старик со старухой; профессиональная принадлежность героя: захсч – рыбак, анһуч – охотник, зарһч – судья.

Жанр бытовой сказки в калмыцкой фольклористике до сих пор не был предметом специального изучения, хотя общепризнано, что бытовые сказки относятся к одному из наиболее высокохудожественных образцов фольклора. Они имеют отчетливо выраженную специфику, проявляющуюся в особенностях их сюжетов, в системе образов и персонажей, в своеобразии художественно-изобразительных средств. К настоящему времени у калмыков накоплен обширный материал по сказочному творчеству. Часть его опубликована в различных изданиях, еще более значительная часть хранится в научных рукописных фондах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Обращение к данной теме исследования связано с тем, что калмыцкими фольклористами создается «Свод калмыцкого фольклора», куда войдут лучшие образцы народного творчества, в том числе и бытовые сказки.

Бытовая сказка калмыков прошла длительное развитие, имеет древние корни, в их текстах множество напластований. Калмыцкие бытовые сказки следует рассмотреть по тематическим циклам, прежде всего сюжет «Умная жена», который имеет несколько вариантов, сказки о мудрецах, сатирические и юмористические сказки о ловких ворах, глупцах и хитрецах. Главными героями сказок о хитрецах и простаках выступают также старик со старухой. Они, как правило, обладают каким-либо домашним животным. Чтобы разбогатеть, они продают путникам своего невзрачного коня, убедив покупателей, что он испражняется золотом. Путники обнаруживают обман и хотят

проучить хитрецов, но погибают. В этой сказке старуха – лишь верная помощница старика. Но в других сюжетах она – самостоятельный персонаж, принимающий решения. В сказке «Вещая свиная голова» старуха вынуждает старика работать, лгьстя ему: «мужчина рождается со многими способностями». Глупый старик обнаруживает возле юрты припасенное старухой масло и радуется, затем находит кольцо, учится предсказаниям у свиной головы. Образ старухи в этой сказке отчасти схож с образом неугомонной героини пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Впрочем, в эпилоге калмыцкой сказки старик и старуха обретают долгожданное счастье. Композиция таких сказок не сложна – старуха дает задания своему глупому старику, а тот, спеша их выполнить, совершает комические действия, путает предметы и их названия и в результате бывает осмеян старухой или даже съеден волками.

В некоторых сказках высеивается скудность старика и старухи, живущих по этой причине вдалеке от людей, на отшибе. Хан посылает четырнадцатилетнего мальчика разузнать об их жизни. Мальчик путем разных уловок обманывает их и забирает мешок еды. За это хан жалует ему сто кибиток. Женские персонажи в калмыцких бытовых сказках отличаются особой активностью, хитростью и мудростью. В сказке «Рыбак» жена, чтобы вдоволь наесться, хитростью завладевает припасенной мужем рыбой. В этом коротком повествовании жена рыбака коварна, а рыбак глуп. Кроме того, жена рыбака выступает здесь в амплуа «ловкого вора». Сюжеты о таких ворах распространены в калмыцком фольклоре. Один из них попал в героический эпос «Джангар». Этот эпизод относят к разряду юмористических [23]. Он связан с подвигами юных богатырей Хошун Улана, Хара Джилгана и Аля Шонхора, которым Джангар поручил взять в плен враждебного богатыря Бадмин Улана. Трое юных богатырей отправляются в сторону восхода солнца, чтобы выполнить поручение. При первом посещении дворца юный богатырь Хошун Улан выступает в роли ловкого вора. Превратившись в плешивого неказистого человечка, он проникает во дворец и крадет из кухни варившуюся к ужину ногу трехлетней кобылицы, чтобы накормить спутников. Но ему приходится самому съесть добычу, «крупные кости выбрасывая изо рта, мелкие кости выглатывая через нос», ибо за ним гнался повар, который таки догнал его и привел к Бадмин Улану. В ответ на жалобы повара находчивый богатырь сказал, что он не смог

бы съесть целую ногу так быстро. Приближенные Бадмин Улана согласились с таким доводом и обвинили повара. Бадмин Улан же был поражен хитростью юного богатыря и пожаловал ему богатое одеяние, водку и лошадиную ногу. С этими дарами Хошун Улан прибывает к друзьям и устраивает богатырский пир. При втором посещении дворца Хошун Улан сначала превращается в желтую ядовитую змею, а затем, приняв богатырский облик, берет в плен Бадмин Улана и доставляет его живым Джангару. Сказочное воровство осуществляется благодаря хитроумию, а также с помощью волшебных превращений. Ловкую кражу лошадиной ноги Хошун Улан совершает в образе «лысого паршивца», путем временной потери богатырских качеств.

Если в «Джангаре» мотив лысого паршивца является одним из сюжетообразующих, то герою «72 небылиц» неказистая внешность дана изначально. В этом виде он вступает в состязание за невесту. Сюжет «72 небылиц» примыкает к сюжетам сказок о мнимых дураках. Е.Д. Турсунов отмечает, что поведение глупца, все делающего невпопад, совпадает с представлениями предков тюрко-монгольских народов о поведении обитателей мира мертвых [20, с. 170].

О происхождении этого жанра у калмыков бытует предание. Однажды хан решил выдать дочь замуж за человека, который расскажет ровно 72 небылицы. Если же он не сумеет это сделать, то лишится головы. В состязании участвуют отец и сын. Отец рассказывает только 71 небылицу, а сын, обладавший даром келмерчи (рассказчика), – 73 небылицы и также проигрывает. Герой – парень с неказистой внешностью – ведет повествование от своего имени. Комический эффект в «72 небылицах» достигается перестановкой причин и следствий («родился раньше своего отца и пас табуны своего прадеда») и небывальщиной, в частности нарушением временных понятий, одушевлением предметов быта, а также наделянием животных человеческой речью. Герой выступает как властелин стихий. Против своих врагов он посылает дождь, бурю и снег, подобно эпическим богатырям Егиль Мергену и Хонгору [14]. В варианте «72 небылиц» Чимида Комаева герой хватает с неба облака по просьбе старика с рыбьим хвостом и головой размером с целого человека. Старик – хозяин водной стихии, и по его просьбе юноша возвращает жизнь высохшему озеру, выжав из облаков воду и наполнив ею озеро. Занимательны дорожные приключения героя небылиц.

Он перемещается по всем трем мирам. Сперва удар рыбьего плавника забрасывает его в верхний мир, затем он попадает в нижний. В варианте Ч. Комаева дорожные приключения героя описаны подробнее, чем в других вариантах. Герой помогает собрать урожай, посаженный еще его предками, скосить высокую траву. Он присутствует при сватовстве насекомых, видит, как суслики молятся бурханам о ниспослании теплой зимы. В пути он разрешает споры между животными, выступая в роли судьи. Встречается он и с владыкой нижнего мира – главным шулмусом. Тот едет верхом на верблюде без шеи и ведет под уздцы коня с человеческой грудью. Сам он гигантского роста, подпирает собой небо. Если герой богатырской сказки всегда выступает антагонистом мифического шулмуса, то у героя небылиц с последним складываются мирные отношения.

О постепенной утрате древних пластов эпического повествования и сближении его с бытовой сказкой свидетельствуют юмористические эпизоды, где животные ведут себя, как люди. Герой встречает муравья, который едет на ярмарку, чтобы продать два зернышка. Потом он видит муравья пьяным – на вырученные деньги тот купил водки и напился вместе со своими друзьями. Спор двух сапог и спор ножа с ножнами (все они соперничают за внимание хозяев) звучат вполне по-человечески. За разрешение споров герой небылиц получает в подарок муху трех лет от роду.

Повествование «72 небылиц» основано на смешении возвышенного и обыденного. Это создает особую атмосферу, где юмор играет главенствующую роль. Так, чтобы добиться руки ханской дочери, герой проходит ряд испытаний. Это сочинение 72 небылиц и преодоление ряда преград – пылающего моря, высоких гор.

В бытовой сказке калмыков бытует ряд сюжетов, где главными героями являются духовные лица, представители религии буддизма. Основным мотивом этих сюжетов является победа простого человека – сироты над гелюнгом, поставленным в неловкое положение [11].

Изучение калмыцкой бытовой сказки является одной из важных задач калмыцкой фольклористики и требует дальнейшего комплексно-текстологического исследования, подготовки уникальных образцов калмыцких богатырских сказок в серийном научном издании, что будет иметь огромное значение для сохранения, возрождения и обогащения культурного наследия народа.

Список литературы

1. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Боктаев Шаня / сост., вступ. ст., прил. Б.Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. Сер.: Өвкнрин зөөр (Сокровища предков): на калм. и рус. яз.
2. Биткеев Н.Ц. Калмыцкая фольклористика: итоги и проблемы изучения // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 3–29.
3. Борджанова Т.Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии: сб. ст. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 96–100.
4. Борджанова Т.Г. О жанрообразовании в калмыцком фольклоре // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 2: Материалы Всероссийского организационно-научного съезда «Отечественное востоковедение на пороге XXI века». М.: ИВ РАН, 1999. С. 77–81.
5. Борджанова Т.Г. Фольклор калмыцкой диаспоры (по материалам печатных изданий) // Проблемы современного калмыковедения: материалы Респ. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. А. Борманжинова. Элиста: КалмГУ, 2001. С. 44–47.
6. Борджанова Т.Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: калм. нар. сказки / сост., пер., предисл., коммент. Басанговой Т.Г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.
7. Бууган Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг.: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. текстов и прил. Б.Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Сер.: Өвкнрин зөөр (Сокровища предков): на калм. и рус. яз.
8. Герлтсн сувсн (Б.М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрнүгэс) = Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б.М. Санджиевой). Собиранель Санджиева Б.М. Записи 1972–1974 гг. / вступ. ст., сост., предисл., подгот. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. Сер.: Өвкнрин зөөр (Сокровища предков): на калм. яз.
9. Горяева Б.Б. Указатель сюжетных типов калмыцких волшебных сказок в соотношении с сюжетными типами Сравнительного указателя сюжетов [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gogyaeva1.htm> (дата обращения: 29.05.2015).
10. Джимгиров М.Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970.
11. Дорджиева Г.Ш. Антирелигиозная и антиклерикальная тема в калмыцком фольклоре // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981. С. 151–160.
12. Калмыцкий фольклор / сост.: Леджинов Ц.О., Шалбууров Г.М. Элст: Хальмг госиздат, 1941.
13. Манджиева Б.Б. К вопросу изучения калмыцких богатырских сказок // XLIV Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: тез. докл. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2015а. С. 741–742.
14. Монголоиравтский героический эпос. СПб. – М., 1923. С. 208.
15. Народное творчество Калмыкии. Сталинград – Элиста: Обл. кн. изд-во, 1940.
16. Сандаловый ларец: калм. нар. сказки / сост., пер., предисл., коммент. Басанговой Т.Г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.
17. Сарангов В.Т. Калмыцкое народное поэтическое творчество. Фольклористика. Элиста: Изд-во Калм. ГУ, 1998.
18. Сказки бабушки Саглар / сост. Т.Г. Борджановой. Элиста, 1990.
19. Т.С. Тягинован амн урн үгин көрнүгэс = Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой / сост., коммент. Б.Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. Сер.: Өвкнрин зөөр (Сокровища предков): на калм. и рус. яз.
20. Турсунов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. АлмаАта, 1973.
21. Хальмг туульс. III боть. Элст: Хальмг дегтр нархач, 1972.
22. Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's (Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX веке, основанные на западно-монгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны) / подгот. к изд. А. Биргалан в сотр. с Т.Г. Басанговой (Борджановой). Будапешт: 2011.
23. Poucha P. Um Kalmuekischen Epos Dzangar. Central Asiatic Journal. 1961.

* * *

1. Altн cheejтэ kelmrch Boktan Shanja. Hranitel' mudrosti narodnoj Boktaev Shanja / sost., vstup. st., pril. B.B. Mandzhievoy. Jelista: KIGI RAN, 2010. Ser.: Өvknrin zөөr (Sokrovishha predkov): na kalm. i rus. jaz.

2. Bitkeev N.C. Kalmyckaja fol'kloristika: itogi i problemy izuchenija // Kalmyckaja narodnaja poezija. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1984. S. 3–29.

3. Bordzhanova T.G. Antroponimija kalmyckih narodnyh skazok // Onomastika Kalmykii: sb. st. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1983. S. 96–100.

4. Bordzhanova T.G. O zhanroobrazovanii v kalmyckom fol'klore // Bjulleten' Obshestva vosto-kovedov. Vyp. 2: Materialy Vserossijskogo organi-zacionno-nauchnogo s#ezda «Otechestvennoe vosto-kovedenie na poroge XXI veka». M.: IV RAN, 1999. S. 77–81.

5. Bordzhanova T.G. Fol'klor kalmyckoj dia-sporы (po materialam pechatnyh izdanij) // Proble-my sovremennogo kalmykovedenija: materialy

Resp. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju prof. A. Bor-manzhinova. Jelista: KalmGU, 2001. S. 44–47.

6. Bordzhanova T.G. Skazochnaja tradicija kalmykov // Sandalovyy larec: kalm. nar. skazki / sost., per., predisl., komment. Basangovoj T.G. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 2002. S. 3–38.

7. Buutan Sanžin tuul's (Skazki Sandzhi Butaeva). Zapisi 1971–1978 gg.: v 2 kn. Kn. 1 / sost., podgot. tekstov i pril. B.H. Borlykovoij. Jelista: KIGI RAN, 2008. Ser.: Övknrin zøer (Sokrovishha predkov): na kalm. i rus. jaz.

8. Gerltsn suvsn (B.M. Sandzhievan bichylж avsn amn urn ygin көңгәс) = Sijajushhaja zhemchuzhina (Fol'klornye materialy, sobrannyye B.M. Sandzhievoj). Sobiratel' Sandzhieva B.M. Zapisi 1972–1974 gg. / vstup. st., sost., predisl., podgot. tekstov i prilozh. I. M. Boldyrevoj. Jelista: KIGI RAN, 2014. Ser.: Övknrin zøer (Sokrovishha predkov): na kalm. jaz.

9. Gorjaeva B.B. Ukazatel' sjuzhetnyh tipov kalmyckih volshebnyh skazok v sootnoshenii s sjuzhetnymi tipami Sravnitel'nogo ukazatelja sjuzhetov [Elektronnyj resurs] // Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologija, semiotika [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/goryaeva1.htm> (data obrashhenija: 29.05.2015).

10. Dzhimirov M. Je. O kalmyckih narodnyh skazkah. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1970.

11. Dordzhieva G.Sh. Antireligioznaja i antiklerikal'naja tema v kalmyckom fol'klоре // Jetnografija i fol'klor mongol'skikh narodov. Jelista, 1981. S. 151–160.

12. Kalmyckij fol'klor / sost.: Ledzhinov C.O., Shalburov G.M. Jelst: Hal'mg gosizdat, 1941.

13. Mandzhieva B.B. K voprosu izuchenija kalmyckih bogatyrskih skazok // XLIV Mezhdunarodnaja filologičeskaja nauchnaja konferencija. Sankt-Peterburg, 10–15 marta 2015 g.: tez. dokl. SPb.: Filol. fak. SPbGU, 2015a. S. 741–742.

14. Mongoloojratskij geroičeskij jepos. SPb. – M., 1923. S. 208.

15. Narodnoe tvorčestvo Kalmykii. Stalingrad – Jelista: Obl. kn. izd-vo, 1940.

16. Sandalovyy larec: kalm. nar. skazki / sost., per., predisl., komment. Basangovoj T.G. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 2002.

17. Sarangov V.T. Kalmyckoe narodnoe pojetičeskoe tvorčestvo. Fol'kloristika. Jelista: Izd-vo Kalm. GU, 1998.

18. Skazki babushki Saglar / sost. T.G. Bordzhanovoj. Jelista, 1990.

19. T.S. Tjaginovan amn urn ygin көңгәс = Fol'klornye materialy iz repertuara T.S. Tjaginovoj / sost., komment. B.B. Gorjaevoj. Jelista: KIGI RAN, 2011. Ser.: Övknrin zøer (Sokrovishha predkov): na kalm. i rus. jaz.

20. Tursunov E.D. Genezis kazahskoj bytovoj skazki. AlmaAta, 1973.

21. Hal'mg tuul's. III bot'. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1972.

Kalmyk household tales: research issues

The article deals with the issues of Kalmyk household tale research, their classification, publication history of this genre.

Key words: *Kalmyk tales, classification, household tales, plots.*

(Статья поступила в редакцию 04.11.2016)

Е.Б. БОРИСОВА, Н.А. КАРАЧЕВА
(*Самара*)

РЕЧЕВАЯ ПАРТИЯ ПЕРСОНАЖА КАК ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЕГО ОБРАЗА (на материале пьесы Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра»)

Рассматриваются средства портретирования образа персонажа в драматургическом произведении через призму содержательных аспектов и разноуровневых языковых средств речевой партии Юлиа Цезаря в пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра». Эмпирический материал исследуется с учетом широкого вертикального контекста.

Ключевые слова: *персонаж, образ, содержательный аспект, речевая характеристика, драма, общепилологический подход, Дж. Б. Шоу, «Цезарь и Клеопатра».*

Для успешного филологического исследования необходимо четкое разграничение авторской речи и речи персонажа, т. к. именно эти два типа речи считаются основными стилистическими компонентами художественного текста.

Речевые характеристики литературных персонажей являются предметом многочисленных исследований, поскольку речь персонажа – это не только один из лингвостилистических компонентов художественного произведения, но и средство воссоздания живой человеческой речи в произведении словесно-художественного творчества [1, с. 227]. Наде-